

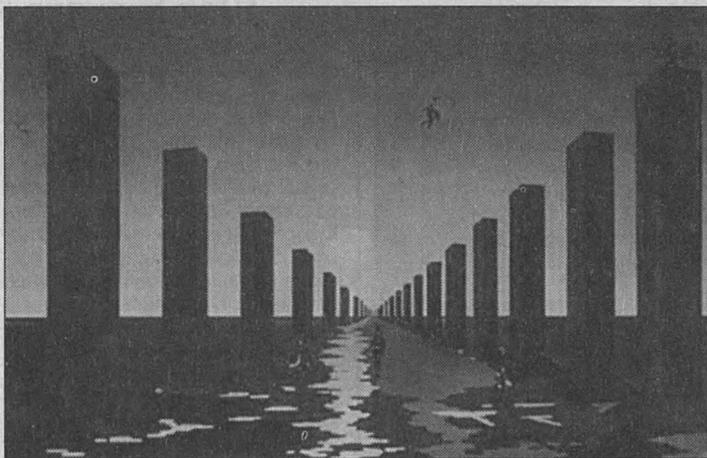
“Лианозово” – не школа, а образ жизни

Культура – 2004 – 1-7 апр. с. 10

“Лианозово” никогда не составляло единой художественной школы. Просто в Лианозове жил Оскар Рабин. В деревне Виноградово – Е.Л.Кропивницкий. В поселке Северный – Н.Е.Вечтомов. Название придумали в МОСХе в тот момент, когда исключали Е.Л.Кропивницкого за “формализм и организацию лианозовской группы”. Кропивницкому пришлось писать объяснительную: “Лианозовская группа состоит из моей жены Оли, моего сына Льва, моей дочки Вали, внучки Кати, внука Саши и моего зятя Оскара Рабина”. По свидетельству Всеволода Некрасова, “никакого оформления – условий, манифестов, программ – все равно не было. Не было никакого вкуса, охоты самим себя обзывать, числить какой-то группой и школой. Зато был серьезнейший интерес – а что там делают остальные? Так лианозовская группа, которой не было, и формировала лианозовскую школу, которой не было, но которая чем дальше, тем больше ощущается ого какой школой”.

Николай Евгеньевич Вечтомов, единственный из лианозовцев, до сих пор так и живет там, в поселке Северный. Однажды, во время прогулки по Рогачевскому шоссе, он наблюдал позднее свечение облаков, когда они подкрашиваются вечерней зарей. Из этого конкретного пейзажного впечатления родились его первые абстрактные композиции. Однако, начав, как и многие, с абстрактного экспрессионизма, Вечтомов быстро нашел собственную, мистическую, сюрреалистическую манеру. “Мы живем в темноте и уже свыклись с ней, вполне различаем предметы. И все же свет мы черпаем отсюда, из сияния закатного Космоса, он-то и дает нам энергию видения. Поэтому для меня важны не предметы, а их отражения, ибо в них таится дыхание чужеродной стихии;” – открылся он однажды Немухину.

На самом деле Вечтомов не заглядывает в бездну, он ее созерцает. Он медитирует над бездной, в которой мы узнаем себя. Вечтомов гармоничен и этим помогает нам постичь запредельную правду бытия. Красный цвет здесь пульсирует в нереальном, фантастическом пространстве, создавая кинетику. Это космос внутри нас. Это трещина, разделяющая ис-



Н.Вечтомов. “Дорога”. 1983 г.

кусство и жизнь. При всей своей полусторонности картины Вечтомова очень конкретны, в них ощущаешь землю. В мягких, лирических вещах есть пружина и динамика. Его работы – переживание собственной удивительной биографии. Потомственный москвич, житель славного позднейшей мистикой Южинского переулка, Вечтомов окончил школу 22 июня 41-го. Был под Сталинградом, на Курской дуге попал в плен, дважды бежал, добрался до Праги, где жил дядя, знаменитый музыкант. Когда шел ночами по Чехии, он видел дорогу, звезды, небо. Ушел в партизанский отряд, один взял в плен трех немцев и взорвал несколько эшелонов. Живой и здоровый добрался до Москвы. Теркин? Швейк? Чонкин? Человек скромный и очень доброжелательный – большая редкость среди художников – он не любит рассказывать о себе. Искусство замечательно дополняет жизнь Вечтомова. Оно меланхолично – он гармоничен, потому ничто не становится запредельно трагичным. Так они и живут по закону сообщающихся сосудов. Как говорил Кропивницкий, “его полотно – это окна, открытые в неведомый мир. Это не трансцендентный мир, даже не мир снов или подсознания. Это мир космоса. Не того космоса, о котором пишут фантасты. Точнее, он не стал им, потому что средства художника были иные. Он не натуралист, реконструирующий обстановку межпланетного путешествия. Он передает

ощущение, среду миров, существующих или не существующих, и делает это убедительно”.

На днях Николай Евгеньевич празднует 81-летие. В Третьяковке готовится ретроспективная выставка. А пока новая “галерея мастеров” в Ветошном переулке представила собрание его работ на бумаге, от ранних абстрактных рисунков до “черных волн” последних акварелей, о которых рассказал корреспонденту “Культуры” сам автор.

– Ваши большие пространственные композиции строятся по законам пейзажа.

– Я начинал с натуральных работ после войны. Позже огромное впечатление я получил от замечательных поездок на Дальний Восток, Кунашир, Курилы, Охотское море. Воспоминание о Кунашире долго не оставляло меня. Я люблю природу непричесанную, а она там настолько величественная, что полностью соответствовала моим чаяниям. В Третьяковке я хотел бы сделать итоговую выставку всей жизни. Я бы даже нарушил искусствоведческие каноны и смешал экспозицию с ранними, долианозовскими работами, когда я полностью занимался натурным пейзажем или делал их по эскизам. Пейзажи писали все – и Оскар Рабин, и Немухин. У меня даже хранится 60-го года очень хороший натуральный этюд Лиды Мастерковой. Но считается, что такое сочетание – нарушение экспозиционных принципов.

– Насколько тесно вы связаны с природой?

– Родной брат моей бабушки по отцу, Александр Александрович Чернов, был академик, геолог, дружил с Обручевым, участвовал в невероятных экспедициях. В Монголии провел ночь на острове у какого-то буддийского монаха, участвовал в раскопках Мертвого города. Он открыл Печорский угольный бассейн. Фактически весь северный уголь и нефть – его рук дело. У него есть молодая внучка – моя двоюродная сестра. Я же всегда был заводилой походов и компаний. В 65-м году мы работали с Оскаром в оформительском комбинате. Там были налажены автобусные поездки группами по 15 – 20 человек. И вот я уговорил Оскара поехать в Ростов и Борисоглебск. И мы поехали с ним и дочкой Валей. Переславль-Залесский, Ростов, Борисоглебск – все в один день. Борисоглебск произвел на нас самое сильное впечатление. В основе моих “Древних стен” лежит Борисоглебский монастырь. Замечательная архитектура. Валя не рисовала тогда, фотографировала, и на нее это так повлияло, что вскоре появились и рисунки. Отсюда пошли ее люди с лошадиными головами на фоне старых стен и ростовского озера.

– Вы выросли в музыкальной семье. Это повлияло на вас как на художника?

– Отец был скрипачом, его брат и мой дядя – знаменитым чешским виолончелистом. Я неравнодушен к музыке. Оскар Рабин вообще часто ставил какие-то пластинки, когда писал свои работы. Он любил Шостаковича, я – более мажорную музыку, Бетховена. Совсем другое – светомызыка, Скрбин, ведь звуки могут создавать реальное световое впечатление. И наоборот, живопись – переходить в музыкальные аккорды. Красное переходит в мажорное. Контрастные формы, пронизывающих пространство, создают какие-то ритмы.

– В знаменитой серии картин “Ночные полеты” зафиксирован сюрреализм самой вашей жизни?

– Да, Сталинград врезался в мою память на всю жизнь четко, как в кинокадрах. Заволжье, ровное место, запорошенное снегом. Нас шло двое. Надо было найти расположение три-

надцатого мотомехкорпуса, куда нас определили. Военных действий не было, немцы отошли, откатились на юг. И было ощущение полной безлюдности, что не осталось никаких военных. Странное зрелище представляли собой остатки какой-то румынской дивизии – гранулы морозы, они в своих высоких бараньих шапках, в абсолютно животном состоянии, голодные, по-русски не говорят, брели, лишь бы куда-то сдаться. Место пустынное, редкие деревни, калмыцкие поселения, где нет никакой скотины, ничего. Время от времени доносились взрывы, пролетали самолеты. Было морозное утро, все вокруг запорошено снегом. Вдруг показался наш “ястребок” и тут же “мессершмит”. Они снизились, разошлись, и началась дуэль, единоборство. Развернувшись, стали атаковать друг друга влобовую, в километре от нас. Трассирующие потоки пуль – все было, как в немом кино. После того как они прошли друг над другом, наш развернулся через крыло и сразу пошел вниз. Удар об землю, бензиновое кольцо вокруг, и все. И ни одной души кругом – кто и когда его найдет? Вот и сюрреализм.

– О “Лианозове” говорят как о группе единомышленников, при том, что в искусстве каждый пошел своим путем.

– Ни о какой школе говорить нельзя – настолько четко каждый сформулировал в работах свои индивидуальные принципы. Мы всегда пытались держать творческую границу. Это был непреложный закон нашей дружбы. Быть только самим собой. Мы всем интересовались, доставали роскошные монографии, но никогда никому не подражали. Я спокойно показываю свои вещи, зная, что внутреннее состояние неповторимо. Мои работы связаны не только с собственным состоянием, но и с общественными катаклизмами. Тайфуном, например. Едничностью легенды. У меня сложный ассоциативный ряд. Мне подсказывает внутренний голос. Название рождается в процессе работы, тогда же возникают и новые идеи. Много, гробницу Чингисхана, например, вообще очень трудно объяснить логически.